

Во главе института стоял проф. С. А. Острогорский. Кафедру педагогики возглавлял С. И. Гессен, психологии — В. В. Зеньковский, который являлся одним из руководителей проведения социально-психологического исследования «Дети эмиграции», получившего большой резонанс в мире. Однако институт, в котором нашли себе работу педагоги-эмигранты, готовились преподавательские кадры для будущей России, просуществовал до 1926 г. и был закрыт по причинам экономического и политического

характера. Первые были связаны с большими затратами на оплату профессоров и содержание студентов. Вторые, в частности, были обусловлены советскими протестами «против подкармливания белогвардейцев» [2, с. 69]. В сущности, чехословацкие власти «поделившись» нагребленным сочли свою миссию выполненной.

И тем не менее золото сыграло свою роль. Так, широкую известность снискал в Праге юридический факультет, открытый в 1922 г. с разрешения министерства иностранных дел и министерства народного просвещения ЧСР. На открытии факультета его первый декан П. Н. Новгородцев подчеркнул: «наша цель — ни курсов революции, ни курсов контрреволюции» [2, с. 66]. Как и все другие высшие учебные заведения он должен был выпускать специалистов для будущей деятельности в России и одновременно предоставлять работу профессорам-эмигрантам. В числе преподавателей был отец Сергей Булгаков, будущий профессор Свято-Сергиевского богословского института, автор «софианского» богословия. Там читали лекции такие профессора, как А. А. Чупров, Н. Н. Алексеев, Н. С. Тимашев. Однако «не успев расцвести, факультет, начал вянуть» по тем же причинам, что были приведены выше. За 1922—1929 гг. получили диплом всего 384 студента. В то же время факультет выпустил в науку П. Н. Савицкого, теоретика евразийства, М. Е. Фридиева, знатока истории русского и советского права, М. В. Шахматова, исследователя истории власти средневековой России, М. А. Циммермана, специалиста по международному праву, О. О. Маркова, историка средневекового права [2, с. 67].

Из действовавших в Харбине высших учебных заведений отмечу создание в 1920 г. экономико-юридических курсов, преобразованных в 1922 г. в юридический факультет, в руководстве которым играл видную роль известный проф. Н. В. Устрялов, позднее расстрелянный в СССР. Наряду с традиционными учебными дисциплинами студентам читались лекции по китайскому государственному и гражданскому праву [3, с. 52]. На факультете учились русские (великороссы и украинцы), латыши, евреи, грузины, армяне, татары, маньчжуры, корейцы и др. В 1931 г. после оккупации Манчжурии японцами ситуация внутри и вокруг факультета значительно усложнилась. Более того: в 1934 г. его некоторые структурные подразделения были объединены с аналогичными в Педагогическом институте. В частности, некоторые общие дисциплины читались профессорско-преподавательским составом для студентов обоих заведений. «На факультет и в Педагогический институт в качестве советника было назначено особое лицо — И. Маруяма». За все время существования факультета его дипломы получили 297 человек. Среди его выпускников — 19 китайцев и маньчжур, японец и кореец [3, с. 55].

Помимо высших учебных заведений традиционного типа в русском зарубежье появлялись и другие формы получения «верхнего» образования. Так, в Риге в 1921 г. были открыты университетские курсы с тремя отделениями — филологическое, юридическое, педагогическое. Однако число студентов было невелико: в 1926/27 уч. г. их насчитывалось всего 47 человек [4, с. 115]. Еще можно вспомнить Францию, где к середине 1920-х гг. действовал народный университет, устраивавший «эпизодические лекции на всевозможные научные, общественные или литературные темы». При нем работали курсы иностранных языков, действовала электромонтажная школа, были организованы занятия по подготовке к экзаменам на аттестат зрелости [4, с. 180].

Во многих странах русское учительство и студенчество были приняты в государственные учебные заведения. Весьма мощно была представлена наша профессура на болгарской земле. В 1921-1939 гг. в Софийском университете трудилось

35 профессоров и преподавателей в основном на медицинском, историко-филологическом, юридическом, богословском факультетах. Так, болгарские и русские студенты могли слушать лекции по археологии и византийской истории Н. П. Кондакова, ученого с мировым именем. На медицинском факультете большинство научных дисциплин преподавалось русскими профессорами. Из русских ученых преподававших на историческом факультете можно упомянуть и П. М. Бицилли, писавшего о гениях русской литературы, евразийстве, русско-украинских отношениях и пр. На филологическом факультете читали лекции теоретик евразийства князь Н. С. Трубецкой, известнейший литературовед и философ К. В. Мочульский, На богословском факультете — Н. Н. Глубоковский, М. Е. Поснов, А. П. Рождественский, Г. И. Шавельский.

Для граничившего с Болгарией Королевства сербов, хорватов и словенцев эмиграция была прежде всего «профессорской». Еще живут те, кого учили русские специалисты, память о которых пока не умерла. Те же сербы помнили, что на Балканах рядом с ними сражались десятки тысяч русских солдат и офицеров. За время войны Россия предоставила Сербии кредиты на сумму свыше 100 млн. рублей золотом [5, с. 147—153]. Большое значение для жизни русских в той же Сербии имел Русский совет по культуре, в обязанности которого входила забота о нуждах просветительских и научных учреждений. Сравнительно быстро решались вопросы трудоустройства преподавателей.

С Белградским университетом, в котором училась и русская молодежь, связаны имена многих русских ученых, трудившихся на преподавательском и научном поприщах. Судьба многих наставников напоминала авантюрный роман. Так, Григорий Орлов, графский отпрыск, сын генерала, увлекавшийся правом и археологией, он в роковом для самодержавной России 1917 г. поддерживает революцию и по рекомендации С. Орджоникидзе назначается министром статистики в Дагестанской рреспублике. Угроза «чистки» с непременным расстрелом вынудила его бежать вначале в Турцию, затем в Болгарию. В 1922 г. он прибыл в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Окончил философский факультет университета в Белграде. Занимался преподавательской деятельностью в глухих провинциальных городах. Читал лекции по русской истории на кафедре восточных и западных славянских языков Белградского университета [6, с. 242—243].

Широкое распространение получила и практика привлечения в духовные учебные заведения преподавателей из России, передававших свои опыт, знания, искусство сербской и русской молодежи, решившей посвятить себя пастырству. Тут следует вспомнить Богословский факультет Белградского университета, где преподавали А. П. Доброклонский, Н. Н. Глубоковский, о. Феодор Титов. В Битольской семинарии в числе наставников был о. Иоанн (Максимович).

Большую известность стяжал Свято-Сергиевский богословский институт в Париже, открытию которого способствовала Русская религиозно-философская академия в Берлине, связанная с именами Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Б. П. Вышеславцева, С. Л. Франка, Ф. А. Степуна. Сам институт в свою очередь помог в создании русской духовной семинарии в Нью-Йорке, в 1947 г. преобразованной в Свято-Владимирскую Духовную академию. В ней учили студентов такие «зубры» как Н. О. Лосский, Г. П. Федотов, Г. В. Вернадский.

Немалый вклад в дело просвещения русской молодежи внесли сотни учителей, преподававших в гимназиях, училищах, кадетских корпусах, девичьих институтах, других школах. При этом хочу подчеркнуть, что в первое время учебные заведения для многих служили не школой знаний, а местом пропитания. «Константинопольский Русский лицей, — писал Вадим Андреев, — был единственным в мире средним учебным заведением, где за школьными партами сидели: полковник, которому приходилось брить наголо седеющую голову... помощник присяжного поверенного, инженер путей сообщения, капитан дореволюционного производства и целый выводок поручиков и подпоручиков времен гражданской войны. В четвертом классе сидели двадцатилетние казаки, во втором — калмыки; на их безусых лицах время не оставляло следов. Все эти ученики попали в лицей главным образом потому, что лицеистов кормили. Правда, встречались иногда и настоящие ученики — те, кому гражданская война помешала окончить среднее образование» [7, с. 198].

Однако далеко не во всех странах власти стремились оказать действенную помощь беженцам из России. Где-то было равнодушие властей, где-то политика, явно враждебная к русским. Так, когда в 1918 г. Румыния захватила Бессарабию, русские учителя, отказавшиеся присягнуть на верность королю, были тотчас выброшены на улицу. В школы пришли фельдфебели и унтер-офицеры: в Кишиневе «лектором на летних курсах для учителей состоял малограмотный лакей из Ясс» [4, с. 212]. В 1920 г. русская средняя правительственная школа была уничтожена, а в 1923 г. завершена румынизация начальной — земской и городской — школы. Хотя королевский декрет от 17 авг. 1918 г. провозглашал, что «Каждая национальность, проживающая в Бессарабии, имеет право обучать своих детей на родном языке».

Были и страны, в которых русских средних и начальных школ вообще не существовало. Например, в Великобритании, где было к 1926 г. около 300 детей школьного возраста, образование получали в местных учебных заведениях. Причем младшеклассники, как отмечал современник, «денационализируются с поразительной быстротой и значительная часть их почти совершенно забыла русский язык, а о России имеет представление не более того, какое дается в этих школах английским детям... почти никакого» [4, с. 212—213]. Для борьбы с этим злом были два средства: выездные уроки и летние краткосрочные детские колонии, в которых общение шло на родном языке. Отсутствовали русские школы и в Италии, в которой действовали только краткосрочные курсы грамотности при некоторых православных приходах.

В других странах ситуация была иной.

В Греции с 1921 г. работала только одна Салоникская мужская гимназия с небольшим числом учащихся. В Германии действовало три средние русские школы: две в Берлине, одна в вольном городе Данциге [4, с. 189]. Несколько больше — пять средних учебных заведений с русским языком преподавания (Выборгский русский лицей, Колломякское реальное училище, Куоккаловское училище. Райвловская средняя школа, Териокское реальное училище) — насчитывалось в Финляндии. Почти пятьсот учеников посещали эти школы, финансируемые Земско-Городским комитетом в Париже [4, с. 159].

Специфическая ситуация с русскими беженскими средними учебными заведениями сложилась в молодых прибалтийских государствах, в которых издавна проживало и русское население. Так, в Латвии дети из семей беженцев могли посещать местные русские школы — правительственные, земские, частные. Причем по своим программам русская средняя школа, стремясь к уравниванию прав с латышской, практически не

отличается от нее. К 1923 г. в стране насчитывалось 30 средних школ (18 — в Риге), в которых обучалось почти 3, 5 тысячи детей [4, с. 78—79].

Иная ситуация складывалась в Эстонии, где русских школ было явно недостаточно: только 11 учебных заведений, находящихся в ведении «Комитета русских эмигрантов в Эстонии» — одна гимназия в Нарве и 10 начальных школ [4, с. 112]. Почти аналогичная ситуация была в Литве: гимназия в Ковно (совр. Каунас) с ее двумя сотнями учеников, а также 11 начальных школ с 700 школьниками (все цифры относятся на 1925 г.) [4, с. 91].

В отличие от вышеназванных, в Маньчжурии в начале 1920-х гг. уже действовало свыше сотни всех типов учебных заведений, в которых обучалось примерно 17 тысяч детей под руководством не менее 700 педагогов. Причем в самом Харбине насчитывалось около 20 классических гимназий, реальных и коммерческих училищ с 5 тысячами учениками [4, с. 136]. Одной из самых характерных черт тамошней школьной жизни с ее платной системой обучения была жестокая конкуренция между учебными заведениями за учеников. Именно тяжелое материальное положение учителей заставляло их пускаться на всякие «выдумки», работать в трех-четыре местах. При этом сам труд педагога оказывался в результате где-то в стороне. Такая ситуация была почти повсеместной.

Свои особенности школьного дела были во Франции, в которой к 1926 г. было всего две средние школы, несколько начальных школ и приютов. Причина одна: большинство семей стремилось обучать детей во французских учебных заведениях, в которых в ряде случаев открывались дополнительные курсы или русские отделения с преподаванием русского языка, литературы, истории, географии России (родоведение) [4, с. 218]. Возникновение курсов было связано прежде всего с феноменом денационализации, об опасности которой неоднократно предупреждали многие русские ученые. Так, в 1929 г. в Праге на съезде по вопросам воспитания русской молодежи за рубежом. В. В. Зеньковский подчеркивал: «Чужая жизнь, иностранная школа, чужеродная культура охватывают со всех сторон наших детей. Они невольно и незаметно для себя поддаются ее влиянию, а порой и очарованию. Создается психологический отрыв от родной культуры. Здесь происходит не одна только потеря языка, а более глубокий и подчас непоправимый отрыв от национальной стихии, от далекой русской жизни, от русской культуры, которая уже не окружает ребенка своими неуловимыми, но всеохватывающими излучениями. Но особенно вредно для формирования нравственной личности то, что современная молодежь не встречается с реальным добром. Она видит жизнь, построенную на несправедливости, неправде, зле. ... Раннее понимание значения экономического благосостояния создает утилитаризм молодежи, ее веры в силу денег. Верить людям нельзя.... Так как дети не видят реального добра как жизненную силу, они перестают верить в слова о добре. Нельзя в борьбе с этим явлением ставить себе отрицательные задачи — исправление, ограничение. Нужно питать детей светом... творить радость, проявлять ласку и любовь, давать духовное питание [4, с. 168]. И педагоги старались. Судя по воспоминаниям эмигрантов, чувство Родины ассоциировалось с Россией: «режимы приходят и уходят, а Отечество остается».

Возвращаясь к Парижу, отмечу, что русская школа там была основана в 1920 г. За восемь лет ученики в ней «проходили» полный курс восьмиклассной гимназии и семиклассного реального училища. Участие в финансировании школы французских властей предопределило включение в программу обучения французской литературы,

географии, истории Франции. Само разделение на классическое и реальное отделения начиналось с шестого класса. В отличие от белградской парижская гимназия помещалась в наемном здании, не приспособленном для школьных занятий [4, с. 171—172].

Немало средних учебных заведений разместились в славянских землях. На Балканах, в Болгарии в начале 1922 г. распахнули двери такие гимназии, как Шуменская, Пещерская, Пловдивская. Память сохранилась также о Софийской, Варненской, Галлиполийской гимназиях. Начало их работы пришлось на сложное время противостояния болгарского правительства врангелевцам, мощь которых внушала определенные опасения властям, не испытывавших особых симпатий к «контрреволюционерам». Эта борьба задела и русские школы. В июле 1922 г. Пловдивская русская гимназия, которая получала деньги от штаба первого армейского корпуса ген. А. П. Кутепова осталась без средств из-за ареста наложенного на деньги врангелевцев. В начале 1923 г. обсуждался даже вариант о перемещении русских средних учебных заведений из Болгарии в другие страны [8, с. 47]. Ситуация после переворота от 9 июня 1923 г., в результате которого к власти пришли националисты, резко переменялась: 14 августа Совет министров принял решение об ежемесячных отчислениях по 500 тыс. левов с формулировкой на «помощь русским детям в Болгарии» [8, с. 48]. Однако в 1931 г., вследствие общего экономического кризиса, субсидирование русского учебного дела сократилось, составив 80 000 левов [8, с. 60]. И тем не менее школы продолжали работать, хотя уже в других, более тяжелых, условиях.

Достаточно большой по тому времени была сеть русских учебных заведений в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, на территории которого к середине 1925 г. действовало 17 школ с 2820 воспитанниками. Причем восемь школ, в которых училось 2240 детей, содержались полностью на государственный счет, остальные получали субсидии от югославских властей [4, с. 43—44]. Педагогический персонал насчитывал примерно 300 человек [4, с. 47]. В октябре 1923 г. все русские школы были подчинены в педагогическом отношении (программы, персонал) министерству народного просвещения.

В наиболее благоприятном положении по многим критериям была I Русско-Сербская гимназия в Белграде, открывшаяся в октябре 1920 г. Перед учителями стояла сложная задача: не только дать некую сумму знаний, но и воспитать детей в православии, любви к Родине своих предков, к славянству. Здесь, как и везде, шла работа под девизом — истинное просвещение соединяет умственное образование с нравственным. Там стремились не допускать какого-либо разрыва между национальным воспитанием и воспитанием в православном духе. Уже название этого учебного заведения свидетельствовало о стремлении ее отцов-основателей (с русской стороны это прежде всего — профессиональный педагог и славянский деятель Владимир Дмитриевич Плетнев, с сербской — Александр Белич, будущий президент Сербской Академии Наук и Искусств) сделать все, чтобы гимназические выпускники, оставаясь русскими, сохранили «и понимание и знание и любовь к стране, которая в тяжелые годы проявила себя истинным, бескорыстным другом... эти воспитанники должны были быть залогом будущей тесной связи между двумя народами» [9, с. 17].

В 1929 г. гимназия была разделена на мужскую и женскую. Спустя четыре года они разместились в только что отстроенном (1933 г.) Доме русской культуры имени императора Николая II с великолепным концертно-театральным залом.

На югославской разместились и другие учебные заведения. С марта 1920 г. в г. Новый Бечей действовал Харьковский институт императрицы Марии Федоровны. Начальница М. А. Неклюдова. Институт завершило около 400 воспитанниц [10, с. 138]. Тогда же прибыл из Новороссийска и обосновался в Белой Церкви Донской Мариинский институт. Начальница института, в котором было двести девиц, являлась Н. В. Духонина. В ноябре 1921 г. в г. Великая Кикинда была учреждена «Первая Русско-Сербская Девичья Гимназия» или институт на 180 воспитанниц и с интернатом на 60 девиц. Основательницей и его начальницей стала Н. К. Эрдели. Покровительницей — королева Мария жена короля Александра I Караджорджевича.

Во всех этих учебных заведениях девицы воспитывались на богатейшей культуре и истории России, в вере в ее скорое возрождение и великое будущее, а также в готовности служить Родине «всеми силами души и сердца подлинно русской женщины» [10, с. 138]. В начале 1930-х гг. для улучшения материального положения Харьковский и Донской девичьи институты были объединены, получив новое название «Русский девичий институт имени императрицы Марии Феодоровны», который был расформирован в военном 1943 г.

Вместе с Белыми армиями покидали Родину и кадетские корпуса, нашедшие в своем большинстве пристанище в Королевстве сербов, хорватов и словенцев: Крымский — из кадет Петровско-Полтавского и Владимирского корпусов разместился в г. Белая Церковь, Первый Русский — из остатков корпусов Киевского, Полтавского, Одесского — в г. Сараево, 2 Донской — из кадет Новочеркасского и двухсот воспитанников Первого Сибирского и частично Хабаровского корпусов, прибывших в январе 1925 г. из Шанхая, — в г. Горажде.

Новая жизнь на новом месте была непростой: поначалу не было ни учебников, ни тетрадей, хватало сложностей с одеждой и обувью. Налицо были только кадеты — остальное отсутствовало. Сам состав воспитанников отличался пестротой: многие успели повоевать, имели награды, офицерские чины. Свою роль в формировании корпусной атмосферы играла и разница в возрасте — учились и пятнадцатилетние юноши и двадцатипятилетние мужи — и, соответственно, проглядывали различия во взглядах на жизнь. Все это рождало конфликтные ситуации, жестокие «игры», заканчивавшиеся самоубийством. Так, в Крымском корпусе всю власть среди кадет захватили старшие воспитанники, творившие «самочинный суд» и «кулачную расправу» над младшими. Был принят ряд мер но ситуацию не удалось исправить и корпус в 1929 г. пришлось расформировать.

И тем не менее, воспитатели делали все, чтобы заложить в душах кадет основы долга, чести, верности России, ее Церкви. Так, для размещенных с 1920 г. в Сараево воспитанников Русского имени Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса было глубоко символично то, что первым православным храмом для них стала церковь, в строительстве которой (1863 г.) участвовала и Россия вместе с ее императором Александром II Освободителем. Многие из них, окончив корпуса, уехав в далекие экзотические страны, не переставали считать себя русскими, а Россию — своей Родиной.

Из военных учебных заведений нужно назвать и Николаевское кавалерийское училище, образованное еще в Галлиполи. После переезда армией в Королевство сербов, хорватов и словенцев в декабре 1921 г. оно обосновалось в Белой Церкви. До 1923 г., когда оно

было расформировано, произведено три выпуска общей численностью свыше 350 человек.

В соседней Болгарии насчитывалось семь военных училищ: Константиновское — 330 человек, Александровское — 365, Корниловское — 294, Сергеевское — 447, Николаевское инженерное — 396, Атаманское — 382, Кубанско-Алексеевское — 761. Всего около 2500 тыс[8, с. 72].

Следует вспомнить и Русское военное училище в Китае, «открытое правителем Манчжурии маршалом Чжан-Цзо-Лином, для пополнения офицерами его армии, сражавшейся с красными в Манчжурии» [10, с. 136].

С большим основанием нужно назвать и Морской корпус, честь учреждения которого в Севастополе в 1919 г. принадлежит адмиралу Н. Н. Машукову. После эвакуации армии П. Н. Врангеля он разместился в казармах старого форта Кебир, в окрестностях Бизерты, в Тунисе. Это была школа «где русские дети учились любить и почитать свою Православную Веру, любить больше самого себя свою Родину и готовились стать полезными деятелями при ее возрождении» [11, с. 240]. Уровень знаний был настолько высок, что после окончания корпуса многие юноши поступили и успешно завершили высшие технические учебные заведения Франции, Бельгии и Чехословакии, стали выдающимися инженерами [11, с. 235]. В процессе учебы было сделано пять выпусков, подготовлено 300 офицеров, служивших во флотах Франции, Югославии и даже Австралии. Ликвидирован по требованию французских властей 5 мая 1925 г. [11, с. 240].

Особого разговора требует тема любви к Родине, русского патриотизма, воспитания детей в русском духе. Следует подчеркнуть, что сами изгнанники, не стремившиеся «раствориться» в других государствах, никогда не забывали, что они русские. В жарких политических диспутах о родине, ее судьбе, о Сталине, о Гитлере все чаще звучали слова — «Режимы приходят и уходят, а Россия остается». В эмиграции родители старались воспитать детей отнюдь не «иванами, не помнящими родства», а людьми, которым, может быть, судьба предназначила быть строителями новой России, без коммунистов. Этому способствовала и сама жизнь беженцев, старавшихся и в изгнании не растерять русский быт и привычный уклад. «Вся наша частная жизнь, — писал А. А. Заварин, — проходила, главным образом, среди русских... Были организации русских скаутов и русских соколов... Вспоминается также, как детский хор пел: А ступенька да ступенька будет лесенка, // А словечко до словечко будет песенка» [12, с. 10]. Детям отдавали все, оставляя себе «горький яд сожаленья»: «Наша юность промчалась в годы зла и насилия. // Нам в былом нет отрады, впереди утешенья» [12, с. 21].

Мертвечина, бездарность, самодовольная ограниченность стариков-монархистов с их арифметическими выкладками о времени падения большевизма вынуждала молодежь идти на разрыв с таким монархизмом при сохранении его идеалов.

В 1931 г. глава “Молодой России”, одной из наиболее мощных молодежных организаций, А. Л. Казем-Бек в своей программной речи “К Советской Европе или к Молодой России”, говоря о коммунизме, утверждал: “Для нас, зарубежных националистов, вопрос идет не о борьбе с национальными обще-русскими силами, а о борьбе со сталинской верхушкой... Мы заодно с теми, кто в России, хотя бы пока под коммунистическим флагом, делает национальное дело. Общий фронт всех русских против Сталина — вот основной лозунг” [13, с. 7—9]. Поверхностное чтение этих слов

может привести к выводу о демагогии автора. Впрочем она и должна присутствовать в любых материалах программного характера. Дело здесь не в дозе, а в двух чрезвычайно важных положениях, продекларированных А. Л. Казем-Беком. Первое: “национальные общерусские силы” — это сам народ. Второе: “национальное дело” можно строить и под “коммунистическим флагом”. Такая трактовка, разумеется не могла быть воспринята теми, кто отрицал всякую возможность сосуществования, некоего симбиоза советского строительства и национальных идеалов.

(Проблема чрезвычайно трудная и деликатная в своем историческом контексте. Однако, если принять в качестве одного из идеалов сильное государство, то большевики делали национальное дело. Здесь можно возразить, что в этом процессе убивали народ, вытравливали его дух, искореняли религию. Было и первое, и второе, и третье. Но... это движение с его заветной мыслью — виноваты все, только не я — началось еще до революции. Бессмысленно также отрицать роль и значение иррационального, а если говорить понятным языком, то божественного провидения. Не следует забывать и о том, что в России, вступившей на историческую авансцену сравнительно поздно, на первом месте всегда стояли интересы государства, но отнюдь не личности и ее права, на чем отлично сыграли борцы с самодержавием в 1917 г.)

И тем не менее при всей любви к фразе, жонглированию словами, у младороссов было чувство причастности к происходящему в России, даже в ее коммунистическом обличье — “судьба родины важнее судьбы власти”.

Молодежи усиленно внушалось, что только она может и должна завершить святое дело строительства новой России. Свободно фланирующим по улицам европейских городов молодым людям, вероятно, было по сердцу читать строки Герберта Уэллса из его выступления в Лондонской школе политической экономии, как будто обращенные к ним и заставляющие сладко замирать от гибельного восторга: “Мы живем в цивилизации, которая очень быстро распадается. Судьба, ожидающая многих из вас, молодые люди, быть может ужасна. Вы, может быть, будете убиты, изувечены, избиваемы, обречены на голод, но одно несомненно: вам некогда будет скучать. Мир, такой, каким мы его знаем, разваливается на глазах. Каждую неделю что-нибудь низвергается или сокрушается и нет возможности сказать, до какого предела дойдет это крушение”. “Как во времена Ноя вам надо строить ковчег”[14, с. 1) Для младороссов видимо было ясно, что этим кораблем может быть только пересозданная по новым принципам советская Россия, монархия трудящихся. При этом новое государство должно было быть органичным, простым, надпартийным, надклассовым, наднациональным.

К сказанному необходимо добавить, что «наряду с иерархическим принципом младоросская идеология включала в себя персонализм (ценность личности, ответственной за свои действия) и органичность (существование особых природных законов, определяющих жизнь “организмов физических и духовных”, например, русский монархизм). В свою очередь из принципов вытекали начала: служения, находящего свое воплощение в жертвенности и примате долга над правами, что коренным образом отличается от гуманистическо-либеральной трактовки человека как самодовлеющей ценности; сотрудничества, в котором общее служение ведет к соединению личностей в “духовные организмы”. “Такое органическое сотрудничество коренным образом отличается от механического (атомистического коллективизма) социализма, в котором личность насильственно приносится в жертву отвлеченному коллективу”; единоначалия, определяющего “общее служение”, согласующего права и

обязанности каждого с “благом целого”. “Духовный организм объединенный единоначальствующей личностью есть соборность”; природности — “исторической жизненной укорененности в духовном организме личностей и культурных ценностей” [15. С.3]. Все это было подчинено одной цели — воспитанию готовности к возрождению новой России, пролетарской монархии или монархии трудящихся или советской монархии.

И все же русская молодежь, младороссы, прежде всего думали о будущем. Сама величественная история России утверждала их в вере в ее великое будущее, в ее предназначение сыграть спасительную роль для всего человечества. Будуч русскими до мозга костей, они считали, что любовь к Родине или русский национализм проявляется в характере, чувстве долга, в пренебрежении личным, в подчинении личности государству, обществу, его интересам.

Можно сказать еще проще: национализм для младороссов был тождествен патриотизму. Поэтому к «русским националистам» следовало отнести все население Советской России, за исключением тех, кто в патриотизме видел «убежище глупца или негодяя». Соответственно, «русский национализм» не следует трактовать в узконациональных рамках: в рядах младороссов было немало представителей самых различных “племен” — от ассирийцев до якутов. Что же служило критерием для младоросского определения “русского национализма”? Патриотизм — да. Тезис о ведущей роли русского народа? Верно, но не совсем. Думается, что здесь надо говорить несколько шире, а именно, о естественном и органическом мировосприятии жизни в России, всеми населяющими ее людьми. Причем государствообразующим в силу историко-культурного бытия является русское “племя”, свободное от расовых предрассудков.

Повторю еще раз, что для младороссов “национализм есть сознательная приверженность к нации, обязывающее к служению ей... Нация есть объединение личностей, связанных общностью исторической судьбы. Это есть духовный организм, образующийся в силу общности, как духовной направленности, так и внешних условий жизни (органичность и природность). С младоросской точки зрения нация отличается от народа тем, что в ней признак происхождения (крови) играет второстепенную роль. Нация может быть сплавом многих народов, но обладает единой синтезирующей культурой. Нация зарождается в момент осознания ее членами этой культуры и умирает, когда оказывается неспособной служить своему идеалу” [15, с. 3]. А с другой стороны, не нужно быть большим мудрецом, чтобы увидеть в младоросской “нации” прототип российской нации и прообраз новой исторической общности — “советского народа”.

Младоросская программа, представлявшая некую «органическую смесь» разнообразных установок, тезисов, положений, взятых из наследия русской мысли, из современной им практики государственного строительства «новых небес», обогащенной собственными представлениями о будущем России и ее строителях — все это выстраиваемое в категориях желательного, необходимого и будущего было привлекательным уже только по той причине, что позволяло ощутить себя причастным к великому делу, практически в нем не участвуя.

Слабость младороссов была и в том, что они как бы проводили жизнь в своеобразном зале ожидания поезда в Россию, но уже без Сталина. В этом же скрывалась и их инерционная сила, позволявшая сохранять себя длительное время. Однако вторая

мировая война напрямую поставила перед ними проблему выбора пути. Она решалась в пользу “русскости”, которая диктовала следующие строки: “Мы с каждым, чьи интересы совпадают с нашими. Мы против всех, если интересы их нам угрожают... Мы молчим и живем одним сознанием: какое счастье быть русским, сыном великой страны! у которой все есть, ибо это мир, которой ничего не нужно! и особенно “великих европейских событий... Мы верим в наш народ, он выгребет, устроит свою жизнь, усилит мощь — и этот факт сам по себе будет благоденственным для мира всего мира. А прибавив к этому русское чувство всемирности и человечности, Россия тогда в полной мере выполнит тогда свое великое историческое назначение среди других народов” [16, л. 87 и об.].

После второй мировой войны, победа в которой возвысила авторитет хотя и советской, но все же России, многие из русской молодежи возвращались на Родину, но было велико и число тех, которые выбирали «свободный мир», не веря советской пропаганде. И чрезвычайно трудно рассуждать о правоте того или иного выбора. Один из тех, кто стал жить вне границ Советского Союза, писал: «Россия всегда жила в моей душе. Был ли я еще дошкольным мальчиком, или в сербской школе, в рабочих лагерях в Германии, под бомбардировками в Берлине, или в тюрьме в Загребе, в Хорватии, в беженских ли лагерях, или на Корейском фронте в американской армии, в военном лазарете, или в Берклейском университете, читал ли я научный доклад в Вашингтоне, или отдыхал около Тихого океана в Мексике — Россия всегда была со мной» [12, с. 40]. Для других, вернувшихся, Россия тоже была рядом, но зачастую в роли конвойного. И все же чувство Родины, судя по многим мемуарам, было сильнее. Вера и терпение побеждали горечь отчаяния. Третьи, «попробовав» советскую жизнь, старались вернуться в прежние страны «русского рассеяния. Здесь можно вспомнить и трудную судьбу упоминавшегося Савицкого, который после лагеря в СССР вернулся в Чехословакию, где и окончил свои дни. И тем не менее все они в своей массе продолжали и продолжают считать себя русскими, стараясь сберечь Россию в памяти своих уже внуков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Архив внешней политики Российской империи. Ф. 166. Миссия в Белграде. Оп. 509/3. Д. 5.
- [2] Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
- [3] Русский Харбин М., 1998.
- [4] Русский учитель в эмиграции. Прага, 1926.
- [5] Писарев Ю. А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914 — 1915 гг. М., 1990.
- [6] Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. В 2 т. Београд, 1994. Т. I
- [7] Андреев В. История одного путешествия. М., 1974.
- [8] Бялата емиграция в България Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001.
- [9] I Русско-Сербская гимназия. Памятка. Белград 1920—1944. Нью-Йорк—Вашингтон—Сан Франциско—Каракас—Буэнос Айрес, 1986.
- [10] Кадесников Н. З. Краткий очерк русской истории XX века. Нью-Йорк, 1967.
- [11] Узники Бизерты М., 1998. С.240.
- [12] Воспоминания А. А. Заварина. Рукопись.
- [13] Петрович Р. Младороссы. London, Ontario, Canada. 1973.
- [14] Младоросская искра. № 20. 12 июня 1932 г.

[15] «Младоросская искра». № 35. 1 января 1934 г.

[16] Российский государственный военный архив. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1.

Примечания

[П1] Взято из журнала «Славяноведение» № 4, 2003 г., июль, август, с 47. Российская Академия Наук. Институт славяноведения.

[П2] Косик Виктор Иванович -- д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН и сотрудник Свято-Тихоновского Института.

[П3] Интернетское издание печатается с разрешения автора.

Литература на наших эл. стр.

Русская Сербия (В.И.Косик) ([ДД-59.2р](#))

Русская церковь в Югославии (В.И.Косик) ([ДД-59р](#))

Предисловие к автобиографии А.А.Заварина ([БЗ-01](#))

Сербский период. Отрывок из автобиографии А.А.Заварина ([БЗ-02](#))

Страницы из воспоминаний. Отрывок из автобиографии А.А.Заварина ([БЗ-03](#))

Русский язык за рубежом – материалы, информация, новости для детей, родителей, учителей школ выходного дня на сайте www.russisch-fuer-kinder.de.